

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 94(4)"1914/19"

Артеменкова К.П.¹

**ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ
В ОТОБРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ**

Санкт-Петербургский государственный университет

Artemenkova K.P.

**RUSSIAN'S ENTRY INTO THE FIRST WORLD WAR AS
REFLECTED BY THE CONTEMPORARIES**

Saint Petersburg State University

Реферат: *На основе дневников и воспоминаний участников и современников Первой мировой войны изучена их реакция на начало этой войны и вступление в нее Российской империи. Статья содержит и высказывания участников этой Великой войны. Автор учитывает, что люди в разных объемах получали информацию о текущих событиях и об экономическом и военном потенциале Российской империи. Поэтому они с разных позиций судили о месте и роли России в этом военном конфликте. Одни твердо верили в победу России, другие опасались ее полного поражения и грядущих смуты и революции. Но в условиях нараставшей военной угрозы у большей части современников в сознании наступали перемены, и они в разной мере осознавали трагическое влияние войны на общество и государство. Дальнейшие исследования с опорой на новые исторические материалы позволяют судить об усилении таких перемен в сознании людей.*

Ключевые слова: *Российская империя, Французская республика, Николай II, посол Франции, Морис Палеолог, Первая мировая война, революция.*

Abstract: *This article is based on the diaries and memoirs of the contemporaries and soldiers of the First World War, and their reaction on the beginning of this War and the Russian Empire's entry into it. The paper contains some comments written by the people of this Great War. It is considered that all people had different pieces of information about current events and the economic and military potentials of the Russian Empire. So they expressed rather different stand points upon Russia's*

¹ **Артеменкова Ксения Павловна** – студентка института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

role in this Great War. Some people expressed firm believe in the Russian victory in this strive, another persons feared the total defeat and the coming disturbance and revolution. But the most contemporaries being under growing threat of war showed shifts in their conscious and at different scale they perceived the tragedy of war`s fatality for society and state. Further researches backed up by new historical materials can give grounds for understanding the amplification of such changes in minds of particular persons.

Key words: *Russian Empire, French Republic, Nicholas II, the ambassador of France, Maurice Paleologue, The First World War, revolution.*

К столетию с начала Первой мировой войны в печати появились материалы, которые долгие годы хранились «под спудом». Благодаря действиям современных исследователей эти исторические источники стали доступны читателям и ныне они могут вчитываться в них и выявлять реакцию разных людей на вести о надвигавшейся или уже разраставшейся Великой войне. Прочтение новых материалов, их изучение и сопоставление с уже известными источниками открыло и дополнительные возможности для подтверждения и развития, либо уточнения и коррекции характеристик и выводов, ранее высказанных в научной литературе. Часть таких новых публикаций отражала настроения и устремления обывателей, торговцев, интеллигенции, мелких чиновников, пылких студентов и гимназистов, а также лиц, начинавших свою карьеру на военном поприще и проживавших в столичных городах –

Москве и Санкт-Петербурге. На волне антигерманских, урапатриотических настроений произошло переименование в Петроград. К событиям той поры, к поведению «рядовых» подданных Российской империи заметный интерес обозначился и в современной науке.

Эта тема была затронута в емкой статье профессора В.А. Ушакова [9, с. 174-186]. Этот автор на основе «случайно попавших» в поле зрения опубликованных газетой «Санкт-Петербургские ведомости» выдержек из дневниковых записей, писем и воспоминаний современников и участников Первой мировой войны [9, с. 176] рассмотрел их реакцию на известия об объявлении войны, о начале и ходе боевых действий. Историк также опирался на комментарии публикаторов этих материалов (как правило, потомков участников Великой войны) и таким путем отслеживал изменения в восприятии и в трактовке жителями Российской

империи известий с фронтов, а, следовательно, и перемены в их настроениях, поведении и жизненной позиции. Современный исследователь выяснил, что летом-осенью 1914 г. чувство страха перед военной опасностью, тяготами и грядущими потрясениями ни отдельные лица, ни общество в целом не ощущали. Пример начальника почтовой станции В.К. Абрамова, который как и его братья в порыве патриотизма «без особых размышлений» в начале войны добровольно пошел на фронт, казался ярким и показательным. Когда этот человек «получил форму, револьвер, шашку, знаки отличия», то «ему было приятно ходить по городу (Петроград. – К.А.) и козырять старшим чинам» [1, с. 5]. В.К. Абрамов утверждал, что мобилизация в армию проходила «прекрасно», уклонистов от призыва не было и родственники провожали «своих сынов и мужей без слез». А рабочие даже заявляли «сейчас не время сводить счеты с предпринимателями. Отечество в опасности и потому надо всем объединяться против общего врага» [2, с. 5].

В те же дни позитивный, патриотический настрой В.К. Абрамова передавали и его размышления о войне и судьбе России. В дневнике об этом говорила следующая запись: «Да поможет Господь славянству! Виль-

гельм забыл завет Бисмарка и думает уничтожить славянство <...> Что ж пусть попробует. Россия видела татар, видела орды Литвы, боролась со шведами, угощала в Москве Наполеона, не ударит лицом в грязь и перед Вильгельмом, вообразившим себя Наполеоном». В.К. Абрамов оставил и свидетельства о небывалом подъеме патриотических, верноподданнических настроений среди жителей Санкт-Петербурга. Он описал события на Невском проспекте, когда «масса добровольцев сотнями и тысячами» шла записываться к «воинским начальникам», а публика горячо их приветствовала, и крики ура и звуки гимна заполняли «все» [2, с. 5.]. По мнению историка В. Абрамова, опубликовавшего этот дневник, война для его деда оказалась суровым учителем. Правда, потребовалось время для того, чтобы она предстала перед ее участниками «без всяких прикрас». По словам публикатора дневника, Февральскую революцию «дед встретил с восторгом», но он одновременно понимал, что в этих условиях дело Российского государства было плохо. В.К. Абрамов «находился тогда в Румынии. Как и в России, здесь наступала анархия». Возможно, и поэтому этот участник войны образно записал: «Судно дало трещину и гибнет в волнах. Всех наверх! На подмогу!

Будет буря, но мы поспорим и поборемся с ней» [3, с. 5]. «Можно отметить, – записал автор статьи В.А. Ушаков, – что патриотические настроения и порывы, а также отчасти отрезвление, которое по ходу войны демонстрировал В.К. Абрамов, разделяли и многие другие россияне, поступавшие на военную службу, или приходившие обучение на курсах по подготовке офицеров для действующей армии» [9, с. 180]. В качестве примера профессор привел сведения о старшем из сыновей семьи Кускова – Михаила. Он начал войну в чине прапорщика и фотографируясь на память в окружении друзей и родных «гордо» стоял в военной форме. Опубликовавший материалы о своем двоюродном дяде В. Саблин задал такой вопрос: с фотографии «спокойно смотрящий в будущее <...> знал ли он (Михаил. – К.А.), что ждет его и его страну?». В газетной статье В. Саблин сообщал и о судьбе своего родственника: «вихрь революции, сметая все, обрывает тонкий ручеек писем, связывавший молодого офицера с его семьей в Петрограде». Приняв революцию, Михаил Кусков воевал на стороне красных, но «с войны <...> не вернулся: он умер на фронте от тифа» [8, с. 5].

В своей статье В.А. Ушаков привел показательные примеры эмо-

ционального состояния и поведения участников Первой мировой войны на ее начальном этапе. В.К. Абрамов и М. Кусков в ходе боевых действий, по мере нарастания порожденных войной бедствий «излечивались» от излишней восторженности, урапатриотических, верноподданнических настроений, их жизненные позиции и поведение формировались под воздействием событий военного лихолетья. Но при чтении означенной статьи Ушакова возникает вопрос, а убедительны ли использованные им примеры и достаточно ли они многочисленны для того, чтобы обозначить весомый контингент участников войны, претерпевших аналогичные или в чем-то схожие превращения в своей жизни? Более того, а был ли такой постепенный, «эмоциональный», путь излечения современников и участников Великой войны, единственным в те времена? Или имели место и другие варианты, в частности гораздо более быстрое, радикальное «извлечение» людей интеллектуальных и хорошо информированных от излишне оптимистических настроений и ожиданий первых дней, недель, месяцев войны? А может быть кто-либо из ее современников изначально не питал иллюзий в отношении ее исхода для тех или иных стран и народов и высказывал свои опасения, предосте-

режения, пророчества, способные насторожить людей вдумчивых и осторожных?

Действительно, некоторые россияне несколько быстрее подходили к осознанию реалий Первой мировой войны. Среди них оказался и А.И. Верховский, который в высоких чинах (полковник, генерал-майор) с мая 1917 г. командовал войсками Московского военного округа и летом того же года занимал пост военного министра во Временном правительстве. А в августе 1914 г. он в чине капитана был еще в начале столь блистательной карьеры воина-профессионала. И тогда А.И. Верховский в дневнике отмечал: «Перед нами война. Бодро на сердце» [4, 1992, №10, с. 64]. Он же в середине августа того же года утверждал: «В Петербурге интеллигенция переживает горячий подъем, но настроение рабочих масс сдержанное» [4, 1992, №11, с. 66]. И эта оценка капитаном Верховским отношения рабочих к войне отличалась от утверждения почтового служащего В.К. Абрамова. И все же по пути на фронт капитан с оптимизмом записал: «Только люди, любящие борьбу, и ищущие победы, любящие чувствовать себя сильнее своей слабости, идут весело. Прелесть риска – одна из лучших красот жизни» [4, 1992, №11, с. 66]. Но уже первое столкновение с

немцами бригады, в которой служил Верховский, произвело на него «кошмарное впечатление». И он так описывал этот бой: «Как маленькие дети, мы были атакованы огнем тяжелой артиллерии на биваке, в котловине, простреливаемой насквозь, дали сразу себя охватить, оказались без управления и связи <...>. В первый же день боя я (Верховский. – К.А.) встретил несколько человек, сошедших с ума на самом поле сражения» [4, 1992, №11, с. 68].

Последующие более успешные военные действия, в которых А.И. Верховский проявлял инициативу, на какое-то время сглаживали первое отрицательное впечатление. Во время одной из операций он был ранен и 3 ноября 1914 г. в дневнике капитан Верховский бодро записал: «Немецкая пуля во время атаки поставила точку первому месяцу моей боевой работы. Легко было на сердце. Рана – это высшее отличие, которое можно заслужить на войне» [4, 1992, №11, с. 69]. Но к весне 1915 г. боевой офицер стал задумываться над причинами, резко снижавшими шансы на победу российского оружия. В дневнике появились далекие от оптимизма строки: «А пока что мы можем рассчитывать только на одно. Как и во всех войнах, и при всех обстоятельствах – на наше умение умирать» [4, 1992, №11, с. 70].

К более же определенным, пессимистическим выводам А.И. Верховского подтолкнули те же события, что и В.К. Абрамова – а именно поражение Румынии и России к концу 1916 г. – когда «от румын остались одни щепки и две трети страны» (Румынии) были захвачены немцами [4, 1993, №1, с. 38]. В записи от 31 декабря 1916 г. появились слова: «Здесь уже ничто помочь не может. Только смена политической системы может спасти армию от новых несчастий, а Россию от позорного поражения». В то время А.И. Верховский интересовался политикой и налаживал связи с членами Государственной думы и Государственного совета. И эти контакты, очевидно, побуждали офицера-фронтовика задавать вопрос: «Неужели не найдется людей, способных разрешить все здесь, в Петрограде, не вызывая революции, не выпуская на улицы масс, не разрушая государственной и военной дисциплины страны?». Ясного ответа дневник не содержал, а фразу «Судьбы Господни неисповедимы» можно толковать по-разному [4, 1993, №1, с. 41].

Исследователь жизненного пути и профессиональной деятельности А.И. Верховского – С.Н. Полторак высказывал «сомнения по поводу того, что дневник писался по горя-

чим следам» [7, с. 42]. И эту мысль современный историк выражал не один раз [7, с. 40, 48, 50, др.]. Тем не менее записки офицера свидетельствовали об изменении тональности его суждений от приподнято патриотической и до признания необходимости коренных перемен в России и опасении надвигавшихся революционных потрясений. Такой путь А.И. Верховский «преодолел» в 1914-1916 гг., а кто-то мог осознать растущую угрозу, а затем и неизбежность революции в охваченном войной обществе. И, как правило, это были или боровшиеся с царизмом революционеры или личности, которые обладали обширной, достоверной информацией и в силу своего социального, служебного положения, интеллектуальных возможностей понимали риски возможной катастрофы, грозившей воюющим сторонам. В данном случае речь шла о судьбе Российской империи и грозивших ей поражений в войне и в революции.

Возможно, одним из таких «провидцев» был глава ветви Михайловичей – великий князь Николай Михайлович. Его взгляд на положение в Российской империи и ход Первой мировой войны отражали дневниковые записи за июль-октябрь 1914 г. и его письмо к французскому историку Ф. Массону. Эти материалы изу-

чала и опубликовала современная исследовательница Е.Е. Петрова, работа которой позволила отследить перемены в восприятии этим Романовым реалий военной поры. Так, в начале войны великий князь отмечал везде нарастание патриотических настроений. «Все, – писал он, – выступают за военные действия. И нигде нет признака недовольства». Правда, и тогда князь задавал вопрос, а «надолго ли хватит такое настроение?». По мере же поступления вестей с фронта «мысли о патриотизме» в записях Николая Михайловича сменились рассуждениями «о тяготах войны и варварстве немцев», а напряжение русской армии в Восточной Пруссии оказало на него гнетущее впечатление. В записях великого князя появилась необычная фраза, которая звучала так: «К чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут ее конечные результаты? Однако для меня ясно, – писал Николай Михайлович, – что во всех странах произойдут громадные перевороты, мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма». Столь необычная фраза вызвала у Е.Е. Петровой сомнения относительно времени появления мрачного для представителя царственной семьи прогноза. Поэтому ученый посчитала: этот текст «с большой долей уверенности может

считаться более поздней припиской великого князя <...> мысли о возможных революциях у него тогда вряд ли могли возникнуть» [6, с. 119-120].

Е.Е. Петрова убедительных и обильных доказательств своего предположения о сроках вынесения великокняжеского прогноза грядущих революций в статье не представила. А без них, по суждению В.А. Ушакова, оценка Петровой «выглядит как мнение, полностью не уничтожающее, пусть малую, но вероятность какого-то озарения <...> наличия пророческих качеств одного из представителей совсем не лишенных талантов и разума рода Романовых. Тем более, что в XX в. и даже ранее, Романовы <...> уже хорошо познали и революцию, и революционный террор» [9, с. 184]. Дополнительно, в «подтверждение возможностей великого князя предугадывать нелегкую судьбу отечества», профессор Ушаков предложил обратиться к историко-литературному наследию другого современника Первой мировой войны посла союзной Французской республики Мориса Палеолога.

Это предложение тем более интересно, поскольку В.А. Ушаков ограничился лишь единственной отсылкой к высказыванию Палеолога о перспективах поражения или победы

российского оружия, о грядущих революционных потрясениях или возможности для общества их избежать [9, с. 184-185]. В то время как французский дипломат был человеком опытным и высокоинтеллектуальным, он поддерживал регулярные контакты с императором Николаем II и его окружением, министрами и депутатами Государственной думы, аристократами, представителями политической и деловой элиты, и исчерпывающие сведения от информаторов и иным образом поступали к нему из всех слоев и групп русского общества. Эти материалы, суждения, мнения и фиксировал его «дневник» с описанием государственного визита 20-23 июля 1914 г. президента Франции Р. Пуанкаре и премьер-министра Р. Вивиани [5, с. 12-28] в Санкт-Петербург и анализа их переговоров с Николаем II. Развитие спровоцированного убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда конфликта между Австро-Венгрией и Сербией и вовлечение в него европейских держав несло угрозу масштабной войны [5, с. 28-33]. Уже 26 - 28 июля дипломат три раза указывал в дневнике на неизбежность «всеобщей» войны и катастрофы [5, с. 31-35]. Далее дневник отражал драматические сцены мобилизации и объявления войны между странами

Антанты и Тройственного союза [5, с. 38-48].

М. Палеолог отмечал и реакцию в обществе на вступление России в войну. Его картина в чем-то совпала с описаниями и других участников событий [9, с. 177-179], хотя французский дипломат рисовал более сложную ситуацию в обществе. Так, если председатель Думы М.В. Родзянко говорил о конце «всем нашим внутренним раздорам» и о небывалом с 1812 г. патриотическом подъеме народа, то «руководители социалистических партий на всех заводах проповедовали покорность воинскому долгу» и утверждали: «эта война приведет к торжеству пролетариата» даже в случае победы царской России. Эти люди полагали: война «заставит слиться все социальные классы, она приблизит крестьянина к рабочему и студенту; она лишней раз выведет на свет нечестность нашей бюрократии <...>, заставит правительство считаться с общественным мнением <...>, введет, наконец, в дворянскую офицерскую касту свободно мыслящий и даже демократический элемент, свойственный офицерам запаса». А этот элемент «уже сыграл большую политическую роль во время войны в Маньчжурии» и, полагал Палеолог, «без него военные мятежи 1906 года не были бы возможны» [5, с. 48]. Та-

ким образом, уже 3 августа 1914 г. М Палеолог обратил внимание на грозившие России катастрофические последствия только что разразившейся войны». Необходимо сказать, что посол Франции не был одинок в ожидании возможной катастрофы». Во время беседы с ним 5 августа Николай II провидчески утверждал: завязавшаяся борьба «будет очень жестокой, очень долгой, очень опасной». Император прямо не говорил о грядущих смутных и тяжелых для России временах, он лишь с пафосом заявлял: «Нам надо вооружиться мужеством и терпением <...> я буду бороться до самого конца». И ради победы российский монарх был готов пожертвовать «всем, вплоть до последнего рубля и солдата». Тогда в голосе, во взгляде и поведении собеседника Палеолог отметил нотки фатализма, как будто бы Николай II повиновался «скорее некоей внешней силе, велению Промысла или Рока» [5, с. 52-53]. М. Палеолог также видел, как вспыхнувшая война превращалась в смертельную «дуэль славянства и германизма». И дипломат полагал: «надо, чтобы одно из них пало». В дневниках такая фраза повторялась дважды: 6 и 9 августа 1914 г. Хотя автор этих отрок еще надеялся, что все «от императора до последнего мужика» героически исполнят «свой долг», а в случае не-

удачи мир увидит «чудеса 1812 года» [5, с. 57-67]. В те дни дипломат записал и пророческие строки. Он считал: «Каждая большая война приносила русскому народу и его стране глубокий внутренний кризис. Отечественная война 1612 года подготовила ту подспудную работу по созданию освободительного движения, которое почти смело царизм в декабре 1825 года. Неудачная Крымская война привела к отмене крепостного права и вызвала необходимость великих реформ 1860-х годов. После Балканской войны 1877 - 1878 годов с ее победами <...> последовал взрыв терроризма нигилистов. Обреченная на провал Маньчжурская война закончилась Революционными выступлениями 1905 года. Что последует за нынешней войной?». Этот вопрос Палеолог задавал уже 12 августа 1914 г. [5, с. 69].

В первые недели войны посол Франции неоднократно возвращался к теме возможных трудностей и поражения России, а также угрозы революционных выступлений масс. Судя по записям дипломата, такие опасения в той или иной мере могли высказывать придворные, министры, дипломаты или столь известный в стране человек как граф С.Ю. Витте [5, с. 77, 82, 83-85, 96-98, 103-104, др.]. В полной же мере пророчество М. Палеолога воплощалось зимой 1916 - 1917 гг. За два с лиш-

ним года войны Российская империя понесла огромные потери, многие территории были утрачены или стали ареной суровых боев. Экономика «задышалась», и недовольство быстро росло, охватывало все новые слои и группы общества. В стране в бедах войны многие все чаще обвиняли «германофильскую клику» и «комарилью вокруг царицы», царскую семью [5, с. 646-648]. Дума увлеклась своей игрой и, согласно склонному к поиску исторических параллелей Палеологу, кадеты действовали подобно «монархической оппозиции во Франции к концу 1848 года». Дипломат 26 ноября 1916 г. записал: «Известно, куда привела эта искусная кампания тайных сборищ, к революции 1848 г.». Россия стремительно шла к взрыву, и один из собеседников французского посла считал катастрофу, революцию и позор практически неизбежными, видел в них приговор судьбы [5, с. 640, 643].

Таким образом, М. Палеолог хорошо улавливал и отслеживал негативные для верхов перемены в России. Предположения, прогнозы, можно сказать, и расчеты посла Франции во многом оправдывались. Материалы из его

«дневника» указывали на то, что среди россиян были лица, которые с начала Первой мировой войны предполагали и опасались ее негативного воздействия на общество, в том числе писали и говорили об угрозах военного поражения, политического кризиса, роста недовольства масс и о возможном революционном взрыве. «Дневник» посла Франции указывал и на процессы трансформации настроений и поведения в обществе многих подданных царя. Эти люди под воздействием суровых реалий губительной войны «как для общества и государства в целом, так и для» конкретного человека и «его родных, близких и друзей» в разные сроки и в разной мере «излечивались» от ура-патриотических, верноподданнических иллюзий. Подобное «прозрение» захватывало многих, но не всех россиян. Поэтому предложение В.А. Ушакова судить «о степени распространения таких перемен в сознании отдельных людей и в общественном мнении» в целом уже в ходе «дальнейших исследований и с обязательным привлечением новых исторических материалов» [9, с. 185] сохраняет свою актуальность и силу.

Список литературы:

1. Абрамов В. «Звуки гимна заполняют все» // Санкт-Петербургские ведомости. 28. 03. 2014.
2. Абрамов В. Добровольно на фронт // Санкт-Петербургские ведомости. 04.07. 2014.
3. Абрамов В. Мы русские, мы нужны родине // Санкт-Петербургские ведомости. 25.07. 2014.
4. Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1992. №10, 11; 1993. №1.
5. Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003. 829 с.
6. Петрова Е.Е. Начало Первой мировой войны глазами великого князя Николая Михайловича // Клио. 2014. №8 (92). С. 118-122.
7. Полторак С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб.: «Остров», 2014. 298 с.
8. Саблин В. Письма с Кавказского фронта // Санкт-Петербургские ведомости. 18.07. 2014.
9. Ушаков В.А. Вступление России в Первую мировую войну в описаниях современников // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2015. №14. С. 174-186.

References:

1. Abramov V. «Zvuki gimna zapolnyayut vse» // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 28. 03. 2014.
2. Abramov V. Dobrovol'no na front // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 04.07. 2014.
3. Abramov V. My russkie, my nuzhny rodine // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 25.07. 2014.
4. Verhovskij A.I. Rossiya na Golgofe (Iz pohodnogo dnevnika 1914-1918 gg.) // Voенno-istoricheskij zhurnal. 1992. №10, 11; 1993. №1.
5. Paleolog M. Dnevnik posla. M.: Zaharov, 2003. 829 s.
6. Petrova E.E. Nachalo Pervoj mirovoj vojny glazami velikogo knyazya Nikolaya Mihajlovicha // Klio. 2014. №8 (92). S. 118-122.
7. Poltorak S.N. Voennaya i nauchnaya deyatel'nost' Aleksandra Ivanovicha Verhovskogo. SPb.: «Ostrov», 2014. 298 s.
8. Sablin V. Pis'ma s Kavkazskogo fronta // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 18.07. 2014.
9. Ushakov V.A. Vstuplenie Rossii v Pervuyu mirovuyu vojnu v opisaniyah sovremennikov // Trudy kafedry istorii novogo i novejshego vremeni. 2015. №14. S. 174-186.